

Мирослав ВОЛОШЧУК

**ВАССАЛЬНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ ДАНИИЛА
РОМАНОВИЧА
ОТ БЕЛЫ IV (1235 – 1245 гг.): АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
РЕКОНСТРУКЦИИ РУССКО-ВЕНГЕРСКИХ
ОТНОШЕНИЙ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIII в.**

Abstract.

Автором прослеживаются галицко-венгерские отношения середины XIII-ого в. Автор приходит к выводу о вассальном положении князя Даниила Романовича от венгерского короля Белы IV в упомянутые годы. С этой точки зрения объясняются – местами переоцениваются – события и некоторые поступки князей. Автором сделаны и шаги для использования латыноязычных источников и венгерской исторической литературы.

Key words:

Галицко-Волынская Русь, Венгерское королевство, князь Даниил, король Бела IV

Военно-политические и дипломатические взаимоотношения венгерских королей с восточнославянскими правителями IX–XIII вв. представлены сложной и противоречивой историей. Исследователи XIX – начала XXI вв. собрали значительный массив фактического материала, высказали немало разнообразных интерпретаций и концепций выше указанных отношений. В целом, современной историографии известны главные теории развития русско-венгерских связей и в значительной степени, поверхностно касаясь проблемы, кажется, что она исчерпана для дальнейшего изучения.

Однако, анализируя существующие комментированные издания и оригиналы летописей Руси и западноевропейских хроник (в первую очередь венгерских и германских), становится понятным, что большое количество эпизодов исследуемых связей вообще никогда не поднималось на уровне написания специальных статей.

Одной из центральных проблем является вассалитет князя Даниила Романовича (1238 – 1264 гг., как галицко-волынский князь, а от 1253 г. – король “всей Руси”) от венгерского короля Белы IV (1235–1270 гг.). Невзирая на достаточно большое количество существующих документальных сообщений (летописи, хроники, буллы и др.),

эпизодические упоминания о данной теме учеными различных эпох и исторических школ, она не стала предметом особого внимания. Именно это принудило нас высказать собственное мнение относительно указанного периода отношений Арпадов с восточнославянскими князьями.

Источники в исследуемом вопросе вынуждают сконцентрировать внимание на сообщении об участии Даниила 14 октября 1235 г. на коронации Белы IV, которая предусматривала три обязательных атрибута: акт должен был происходить в Секешфехерваре, также обязательным было участие архиепископа Эстергома, который должен был возложить на голову монарха Святую Корону. Сам Даниил, как свидетельствует предание, в этой церемонии вел королевского коня.

Так, на страницах “Композиции венгерских хроник” середины XIV в. секешфехерварского хрониста Марка Кальти по данному поводу указывается: “Rex Bela post eum filius eius coronatus est pridie Idus Octobris feria prima qua cantatur: Da pacem Domine, in cathedrali ecclesia Beati Petri Albe, quam ipse consecrari fecit, Colomano duce fratre eiusdem ensem regalem ad latus ipsius honorifice tenente, Daniele vero duce Rutenorum equum suum ante ipsum summa cum reverentia ducente”¹

События коронации Белы отображены в хронике Генриха из Мюгельна, который работал над ней в 1358 – 1361 гг.: “In des selben kronung stund herczog Coloman, sein pruder, und hielt im das kunclich swert czu der rechten hant, und der herczog Daniel von Reussen furt das ros vor dem kunge. Der selb kunig Bela was gewaldig funf und dreyszig jar”²

Эпизод коронации Белы IV в неизменном виде вошел в труд “Chronica Hungarorum” Яноша Туроци (1435–1488/89 гг.)³

В XIX в. венгерские археографы, ссылаясь на хроники XIV в., также вспомнили о сказании коронации Белы, несколько сократив его содержание: “Post paucos a patris obitu dies, ne, simora longior intercederet, rerum novarum studiosi aliquid molirentur, Albam contendens, consueto more, Colomanno fratre ensem praeferente a) & Daniele Russorum Duce equum ducente b) coronatus est”⁴

Важными для нашего исследования являются артикулы Золотых булл короля Эндре II (1205–1235 гг.) за 1222 и 1231 гг.,⁵ которые регламентировали общественные отношения в стране, в том числе между представителями правящей династии и ее подчиненными, а также касались внешней политики королевства. Следовательно, в западноевропейских

¹ *Scriptores rerum Hungaricarum*. I-II. ed. SZENTPÉTERY, E. Budapestini 1937-1938. (далее: SRH) I. 467.

² SHR II. 207.

³ Johannes de THUROCZ: *Chronica Hungarorum*. I. Textus. Ed. GALÁNTAI, E. et KRISTÓ, J. Budapest 1985. 137.

⁴ *Historia Regum Hungariae cum notis praevius*. Budae: 1801. 234.

⁵ *Decreta Regni Medievalis Hungariae*. I. 1000–1301. eds. BAK, M.J., SWEENEY, JR., DOMONKOS, L.S. Idyllwild, California 1999. (далее: DRMH) 32-39.

источниках наиболее ранним сообщением об участии Даниила Романовича в коронации Белы является эпизод приведенный в труде М.Кальти. Достоверности данных этого хрониста относительно исследуемых вопросов присуща определенная дискуссионность. Это объясняется тем, что автор приступил к написанию своего произведения в 1358 г. во времена правления Лайоша Анжуйского (1342 – 1382 гг.), также включив туда исторические сведения об уграх от наиболее давних времен до 1330 г. Учитывая то, что в хронику вошли ранние протографы XI–XII вв.,⁶ а сам Кальти походил с места коронации всех венгерских королей начиная от второй половины XI в., информацию, приведенную хронистом, следовало бы считать достоверной.

Однако, стоит помнить, что данный труд появился во времена активного продвижения венгерских и польских влияний на территорию Галицкой и Волынской земли в середине – второй половине XIV в. Поэтому в то же время можно и допустить, что это сознательный фальсификат, созданный по заказу правящей династии, призванный дополнительно аргументировать существующие во времена Арпадов (895–1301 гг.) права на данные земли, и что именно с ранних венгерских источников информация о коронации Белы, а также не до конца понятное участие в ней Даниила была переписана другими авторами.

Однако в нашем распоряжении есть также цикл русских летописей (в первую очередь – Ипатьевская), где исследуемая проблема косвенно нашла отображение, в то же время объясняя особенности отношений Даниила Романовича и Белы IV после 14 октября 1235 г.

В частности, по мнению современного украинского историка Н.Ф. Котляра, который является автором последнего комментируемого издания Галицко-Волынской летописи,⁷ между концом 1236 – первой половиной 1237 гг. “Даниль ... шель бяше съ братомъ своимъ въ Угры къ королевѣ: бѣ ибо звалъ его на честь. В то же время пошелъ бяше Фридрихъ царь на герцика войною, и всхотѣста иди Даниль съ братомъ Василюкомъ герцикови в помощь”.⁸ [подчеркивание здесь и далее – М.В.]

В данном случае нас интересует словосочетание “звалъ его на честь”. Понятие “честь” в летописи можно найти еще один раз – в эпизоде, где освещаются последствия посещений Даниилом Романовичем в декабре 1245 – январе 1246 гг. ставки хана Бату – Сарая. Летописец в отчаянии

⁶ ШУШАРИН, В.П.: Древнерусское государство зарадно- и восточноевропейских средневековых памятниках. In: *Древнерусское государство и его международное значение*. Под ред. Пацуто, В.Т. и Черетина, Л.В. Москва 1965. 420-452. здесь: 430.

⁷ КОТЛЯР М.: *Галицко-Волынский літопис*. Дослідження. Текст. Коментар. Київ 2002. (далее: КОТЛЯР, Літопис) 396.

⁸ *Полное собрание русских летописей*. (далее: ПСРА) СПб. 1908. II. 776.; КОТЛЯР, Літопис 228.

указывал, что “злѣ злая честь Татарска”⁹ выше описывая унижение галицко-волинского князя от монгол.

Заметим, что проблему вассального подчинения князя Даниила Бела IV или хотя бы вероятность такого акта, историки в комплексе практически не рассматривали. Мы владеем только отдельными выдержками из трудов ученых, в которых прямо, или, как правило, косвенно, имеются комментарии относительно взаимоотношений Арпадов и Романовичей в 1235–1238 гг.

Автор одного из первых фундаментальных, специальных и в то же время противоречивых трудов по истории Руси и России В.Татищев проблемы участия волинского князя в коронации Бела не касался, хотя под 6741 (1233) сообщал, что “Даниил Романович, имея в Галиче с королем венгерским войну тяжелую и победив утров в горах, учинил с ними мир. Отрекся король по грамоте Мстислава от Галича”¹⁰. Это, фактически, прямой намек на нормализацию отношений с Эндре II, но не с его сыном, который в октябре 1235 г. унаследовал Корону.

Н.Карамзин, оценивая события 14 октября 1235 г., высказывал четкое мнение о вассалитете Даниила от Бела в 1235 г. Первый, по его словам, вел королевского коня, что “было тогда знаком подданства”¹¹.

Украинская историческая наука, в частности галицкие краеведы-историки А.Петрушевич и И.Шараневич касались вопроса взаимоотношений Романовичей с черниговскими князьями и герцогом Австрии (1235–1237 гг.), констатировала нежелание Бела видеть в Галиче “сильную власть”, однако относительно вассалитета, или его отсутствия речь не шла.¹² Так, И.Шараневич считал, что в 1235 г. Даниил искал “помочи въ Уграхъ” в борьбе за Галич. В то же время детального анализа своих размышлений автор не приводил.¹³

Диаметрально противоположной позиции в данном вопросе придерживался Н.Дашкевич. В своем труде “Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям” он высказал мнение, что участие Даниила в коронации Бела считалось вассалитетом. Исследователь констатировал, что во время торжеств никаких соглашений с Романовичами не заключалось, ибо Бела IV в борьбе за Галич поддерживал Ростислава.¹⁴

⁹ ПСРА II. 805.

¹⁰ ТАТИЩЕВ, В.: *История Российская*. Москва 2003. II. 541.

¹¹ КАРАМЗИН, Н.М.: *История Государства Российского*. Москва 1988. IV. 163.

¹² ПЕТРУШЕВИЧ, А.: Обзор важнейших политических и церковных происшествий в Галицком княжестве с половины XII до конца XIII в. In: *Литературный сборник издаваемой общеславом Галицко-русской матици (далее: Галицкая матица)* Львів 1854. 31.

¹³ ШАРАНЕВИЧ, И.: *История Галицко-Володимирской Руси от наидавнейших времен до року 1453*. Львів 1863. 84.; Он же: Исследования на поли отечественной географии и истории. In: *Галицкая матица*, Львів 1869. 90.

¹⁴ ДАШКЕВИЧ, Н.: *Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным источникам*. Київ 1843. 8.

О попытке Даниила возратить в 1235 г. Галич указывал М. Грушевский.¹⁵ Он не отбрасывал возможности участия князя в коронации, что, по его мнению, обозначало определенное верховенство Белы относительно волынского князя. Романович осуществил свою поездку с намерениями установить добрососедские отношения и отдавался под протекцию короля с тем "...чтобы сделать конец вмешательству Венгрии в галичские дела".¹⁶ Взгляды М. Грушевского разделяла Н.Полонская-Василенко, заметив, что "новый король Бела IV не проявлял интереса к Галиции, а Даниил, желая мира, даже подвергся был под его протекцию. Но король поддержал кандидатуру Михаила Всеволодовича на галичский престол".¹⁷

В советской исторической науке проблема русско-венгерских отношений второй четверти XIII в. стала предметом обзора И.Коломийца, который заметил, что "1234 – 1235 годы проходили в напряженной борьбе Романовичей и черниговских князей, которых "по соглашению" поддерживал Бела".¹⁸ Однако более детального объяснения этого договора автор не навел, как и не высказал своего мнения относительно отношений Даниила с Белой после 1235 г. Значительно глубже анализируемую тему изучал В.Пашуто. В частности, на страницах работы "Очерки по истории Галицко-Волынской Руси" ученый указывал, что в 1235 г. Даниил ездил к Беле, чтобы тот не вмешивался в галичские дела. Автор считал, что только после возможного участия Даниила на стороне австрийского герцога в войне с уграми, король предложил Романовичам какой-то договор, из-за которого тот отказался поддержать Фридриха Бабенберга (1230–1246 гг.) и в 1238 г. захватил Галич.¹⁹

Участие волынского князя в коронации Белы IV, а также визит к венграм "на чѣсть", то В. Пашуто оценивал положительно. Он считал, что пребывание в Венгрии в 1237 г. показало дипломатическую активность Романовичей, которые не позволили Арпадам вмешиваться во внутренние дела Галицкой земли вплоть до нашествия монгол.²⁰

Современная украинская историография также не считает изучение вопроса вассалитета Даниила Романовича актуальным. Отсюда и очень небольшое количество концепций касательно исследуемых событий. Ужгородский историк И. Лихтей, рассматривая обстоятельства зарождения

¹⁵ ГРУШЕВСКИЙ, М.: Хронологія подій Галицко-Волинської літописи. Ін: *Замітки НТШ*. ХІІ. Львів 1901. (далее: ГРУШЕВСКИЙ, Хронологія) 25-26.

¹⁶ ГРУШЕВСКИЙ, М.: *Історія України-Русі*. ІІІ. Київ 1993. (далее: ГРУШЕВСКИЙ, История) 52-53.

¹⁷ ПОЛОНЬСКА-ВАСИЛЕНКО, Н.: *Історія України*. Київ 1995. ІІ. 197.

¹⁸ КОЛОМЕЦ, И.Г.: Борьба південно-західних руских князівств проти експансії угорських феодалів ХІ – ХІІІ ст. Ін: *Наукові записки УЗДУ Ужгород* 1949. ІІ. 22.

¹⁹ ПАШУТО, В.Т.: *Очерки по истории Галицко-Волынской Руси*. Москва 1950. (далее: ПАШУТО, Очерки) 217.

²⁰ ПАШУТО, В.Т.: *Внешняя политика Древней Руси*. Москва 1968. (далее: ПАШУТО, Внешняя) 257-258.

союза Фридриха Бабенберга и волынского князя в середине 30-х гг. XIII в., констатировал участие последнего во время коронации Белы. Однако автор не навел собственного взгляда на данную проблему, а согласился с точкой зрения М Грушевского.²¹ В контексте анализа “Дорогичинского инцидента” 1237 г., военных походов Романовичей против племен литовцев и ятвягов, о визите “на честь” к королю эпизодически вспоминал О. Масан.²²

Более глубоко данный вопрос изучал Н. Котляр. В одном из своих первых трудов, посвященных Галицко-Волынской летописи (1993), он указывал, что Даниил был приглашен “на честь” к Беле после налаживания отношений с Фридрихом австрийским. По мнению историка, Даниил решил противопоставить венгерскому королю союз с австрийским герцогом. Это была дипломатическая победа над Белой, которая, по словам автора, “почему-то не нашла отражения в Повести о возвращении Даниилом галицкого стола. Можно думать, что королю Венгрии пришлось хорошо заплатить за отказ Даниила от союза с Австрией... Вероятно, что когда Даниил посетил Венгрию, между ним и королем было подписано какое-то соглашение, за которым Бела IV обязывался не вмешиваться в волынские и галицкие дела”.²³

Интересные мысли по данной теме Н. Котляр высказал и в исследовании биографии Даниила Романовича (2001). Он писал, что после захвата Галича в 1235 г. черниговскими князьями, “старшему Романовичу пришлось оставить галицкий престол и поехать ... в Венгрию”. Автор объяснял это тем, что к власти пришел Бела, с которым Даниила связывала детская дружба. В детстве он воспитывался при венгерском королевском дворе. Н. Котляр считает, что Бела был меньше заинтересован в присвоении Галицкой земли. Автор, неизвестно на какие источники ссылаясь, описывал, что “Бела охотно вспоминал о детских развлечениях”, но в решающий момент поддержал Михаила Всеволодовича. Однако Даниил решил заключить союз с Бабенбергами. Поэтому Бела пригласил обеих Романовичей “на честь” и заключил вероятно с ними какое-то соглашение, очевидно о нейтралитете касательно русских земель. Так думать автора побуждало то обстоятельство, что король длительное время не вмешивался в галицкие и волынские дела.²⁴

В последнем комментируемом издании Галицко-Волынской летописи (2002) Н. Котляр заметил, что дипломатические мероприятия Даниила в Венгрии осенью 1235 г. не имели успеха, ибо король поддержал его

²¹ ЛИХТЕЙ, И.: Австро-угорско-чешские противостояния 30–50-х гг. XIII ст. In: *Carpatia* 21 (2003), 119-120; Он же: Борьба Даниила Романовича и Пшемисла Отакара II за австрийские спадщину. In: *Король Данило і його ти́сце в українській історії*. Львів 2003. 76.

²² МАСАН, О.: Добржинский Орден (до истории дорогичинского инциденту 1237 року). In: *Питання стародавню та середньовічню історії, археології та етнології*. Чернівці 1996. 49.

²³ КОТЛЯР, Н.: Летопис. 68.

²⁴ КОТЛЯР, Н.: *Данило Галицький*. Київ 2001. 84-85.

соперника Михаила черниговского.²⁵ Тот, по мнению историка, “не имел корней в Галиции” и не мог быть популярным среди мелких феодалов и народа. Поэтому взять Галицкую землю под Михаилом или его сыном было бы неизмеримо легче, чем под Даниилом. Приводя разные историографические суждения по поводу событий 1235–1238 гг., ученый считал, что “...Беле пришлось хорошо заплатить за отказ Даниила от союза с Австрией. Вероятно, во время пребывания в Венгрии было подписано какое-то соглашение между королем и вольным князем, по которому Бела обязывался прекратить помощь Михаилу и Ростиславу и, вообще, не вмешиваться в галицкие дела”.²⁶

Интересные наблюдения относительно исследуемых вопросов высказал представитель украинской диаспоры В.Издзо, который допускал, что Бела после 1235 г. не поддержал Даниила потому что был еще жив Коломан “галицкий король”. В 1236 г. когда Даниил прибыл “на честь” в Венгрию, между ним и Белой был заключен договор, согласно которому Бела был вынужден разорвать союз с черниговскими князьями. Однако венгерский король, по мнению автора, рассматривал договор, как временное явление.²⁷

В трудах современного российского ученого О. Майорова бытует мнение, что Даниил все же был вассалом Белы, согласившись на такой статус в обмен на королевскую помощь в борьбе за Галич. Помешал реализации этих планов Михаил Всеволодович, который быстрее занял поднестриевскую столицу.²⁸

Исследователь считает, что “старший Романович, как и его отец, в полной мере мог формально признать себя вассалом нового венгерского короля”. О.Майоров выяснил цель поездки вольного князя к Беле осенью 1235 г. По его мнению, она состояла в получении венгерской военной помощи против черниговских правителей. Точку зрения о получении Даниилом гарантий невмешательства во внутренние дела Галицкой земли историк категорически отбрасывает.²⁹

Зарубежная историография, в первую очередь венгерская, еще в XIX в. также отстаивала мнение о безусловной, вассальной подчиненности вольного князя от венгерского короля. Однако ученые не предоставили комплексного видения данной проблемы. Предложенные эпизодические взгляды имеют место в работе Д.Паулера.³⁰

На современном этапе венгерские ученые пересматривают некоторые предубежденные оценки русско-венгерских отношений эпохи

²⁵ КОТЛЯР, Літопис 220.

²⁶ Ibidem 228.

²⁷ ИЗДЗО, В.П.: *Українська держава в XIII столітті*. Івано-Франківськ 1999. 194.

²⁸ МАЙОРОВ, А.В.: *Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре, община*. СПб. 2004. 36.

²⁹ Ibidem 588.

³⁰ PAULER, Gy.: *A magyar nemzet története az Árpád-házi királyok alatt*. I-II. Budapest 1893. II. 189.

Средневековья, которые наблюдались в работах XIX–XX вв. В частности, довольно успешно в данном направлении работает М. Фонт. Однако и данная исследовательница в некоторых своих работах только констатирует факт участия Даниил в коронации Бела, в то же время не приводя особого анализа данного исторического факта. На основании изучения Ипатьевской летописи М. Фонт указывает о присутствии в 1235 г. Романовичей при дворе Бела, но о цели поездки информации не подает.³¹

Одним из немногих в польской историографии исследуемой темы коснулся Б. Владарский в своем труде «Польша и Русь (1194–1340)». Он отстаивал мнение, что Даниил в борьбе за Галич пытался «найти себе нового короля Бела IV, к которому тот выехал и участвовал в торжествах интронизации».³² В Галиче пребывала значительная венгерская залога, которая должна была обеспечить не только власть Ростислава Михайловича, но и венгерские влияния. Поэтому участие Даниила в интронизации Бела, по словам автора, не принесло успеха.³³

Учитывая имеющиеся в наличии источники и существующий массив научных исследований касательно вассальной подчиненности Даниила Романовича от короля Бела IV, мы считаем, что данная проблема отображена достаточно поверхностно, а потому нуждается в дополнительной специальной разработке. По нашему мнению, не понятной остается мотивация участия волынского князя у интронизационных торжествах представителя династии Арпадов и позиция последнего в австро-галичских отношениях второй половины 30-х гг. XIII в. К тому же вообще не рассматривалась хронология данного подданства, не привлекался актовой материал Венгерского королевства для более глубокого выяснения условий вассалитета и его последствий для обеих правителей особенно на фоне татарского лихолетья первой половины 40-х гг. XIII в.

Эти противоречивые и часто непонятные вопросы стали предметом исследования данной статьи.

Хронологические рамки работы охватывают период от 14 октября 1235 – 17 августа 1245 гг., где нижней границей является подчинение Даниила Романовича Беле во время коронации последнего. Верхняя граница – битва волынских князей и их союзников с войсками венгерского бана Фили, сына князя Михаила Всеволодовича Ростислава и краковско-сандомирского правителя Болеслава Стыдливового под Ярославом. Победа Романовичей, по нашему мнению, завершила этап вассальной подчиненности Даниила.

Одним из главных признаков европейского Средневековья стали так называемые вассально-созеренные связи, которые выступали фундаментом внутривассальной и социальной стабильности большинства государств,

³¹ FONT, Márta: Ungarn, Polen und Galizien-Wolhynien im ersten Drittel des 13. Jh. In: *Studia Slavica Hungariae* 38 (1993):1-2. 27-39. здесь: 36.

³² WŁODARSKI, B.: *Polska i Rus (1194–1340)*. Warszawa 1966. 108.

³³ Ibidem 112.

взаимопонимания между различными станами и прослойками общества и т.п.

На территории, подвластной династии Арпадов вассально-ленные отношения имели свои значительные особенности. В отличие от немецких земель, в Венгрии все землевладельцы с мелких до крупных считались вассально-подчиненным королю и должно было в его пользу выполнять военную службу. До 1222 и 1231 гг. регламентация этих обязанностей не имела четкой формы и трактовалась королем произвольно. Однако с появлением соответствующих Золотых булл содержание отношений Арпадов с подчиненными существенно изменилось.³⁴

Существенные изменения имели место во внешнеполитических связях королевства, поскольку артикулы №7 от 1222 г. и №8 от 1231 г. констатировал, что когда "...мы будем воевать за пределами страны, мелкие землевладельцы (*servientes regis*) не обязаны выступать с нами. Только иппаны и солтисы, йобационы королевских крепостей, а также те, которые согласно должности относительно этого обязаны и те, кому мы предоставили наибольшие владения".³⁵ Это касалось и Галичской земли, за контроль над которой король Эндре II (1205–1235) вел длительную борьбу на протяжении всего своего правления с представителями черниговских Ольговичей и вольнских Романовичей.³⁶ Особенно серьезными неприятелями для Арпадов были последние, которые, имея незначительные династические права на Галич (бракосочетание Даниила с дочерью Мстислава Удатного Марией в 1217 г. позволило легитимно претендовать на местный престол), регулярно сопротивлялись венгерским влияниям в Поднестриевье.

Противостояние за галичские владения приобрело апогея в первой половине 30-х гг. XIII в., когда на протяжении 1232–1234 гг. венгерский принц Эндре в последний раз от имени правящей династии правил в Галиче. Его враг Даниил Романович в начале 1234 г. сумел выпнать венгерские отряды с Поднестриевья, а сам Эндре умер в осажденной столице. Однако и вольнский князь не задержался здесь надолго, поскольку вследствие боярского заговора в начале осени 1235 г. Галицией овладели черниговские правители Михаил Всеволодович с сыном Ростиславом – от 1228 г., судя из Ипатьевской летописи – союзники Арпадов.

В контексте борьбы за Галич существование такого длительного контакта между главными неприятелями Даниила и Василька вынуждало последних искать новых путей доступа к территории Поднестриевья и, как мы считаем, даже путем заключения вассального договора с новым венгерским королем Белой IV.

³⁴ DRMН 32-39.

³⁵ Ibidem 37.

³⁶ ПСРА II. 732.; *Ioannis Dlygossii Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae. Libri V-VI.* Varsaviae 1973., VI. 205.; МАЙОРОВ ук. соч. 370-560.

Причинами такого поиска, на наш взгляд, было и то, что Романовичи осознавали необходимость присутствия своей власти в Галиции не меньше, чем их соперники. Важность использования экономического ресурса (особенно соли) и торговых путей давало немалые прибыли, открывало новые направления экспортирования товаров Буго-Днестровской речной артерией. Параллельно имела место невозможность далее вести равную борьбу с Арпадами, войско которых в конце XII – первой половине XIII вв. было одним из наиболее сильных в Центральной Европе. Если учесть, что венгерская знать была заинтересована в проникновении на Поднестровье, даже несмотря на условия уже упоминавшегося артикулы Золотой буллы, тогда становится понятным, что вольнские властители имели немного шансов силой вернуть себе желаемые земли в ближайшее время. Периодически Даниил был вынужден сопротивляться военным нападениям со стороны поляков, литовских племен, половцев и других русских князей. Это распыляло и ослабляло его войско, о чем свидетельствовало хотя бы отсутствие сил для удержания Галича в первой половине 1235 г. после успешной для себя кампании 1234 г.³⁷

Поскольку Романовичи не имели особо на кого опираться в борьбе за галицкие владения, то по нашему мнению, понятным является визит Даниила в Секенсфехервар и его участие 14 октября 1235 г. в коронации Белы IV. Ни один из существующих документов не отображает деталей торжеств, кроме указания, что они происходили в соборе святого Петра (*In cathedrali ecclesia Beati Petri Albe*). Каким образом проходил сам процесс помазания на королевство неизвестно, хотя понятным есть присутствие во время данного акта нескольких лиц: эстергомского епископа, брата Белы – Кальмана и Даниила. Они “с большим уважением” сопровождали нового монарха из церкви (*Colomano duce fratre eiusdem ensem regalem ad latus ipsius honorifice tenente, Daniele uero duce Rutenorum equum suum ante ipsum summa cum reuerentia ducente*).³⁸ Составлял ли вольнский князь в пользу сына Эндре II *оммаж* и *фуа*, как обязательные атрибуты вассального подчинения, неизвестно, однако выполнение маршальской службы при выходе из собора заставляет нас думать именно так. При подобных обстоятельствах в 1177 г. в венецианском соборе Святого Марка немецкий император Фридрих I Барбаросса (1152–1190) признавал над собой сюзеренитет папы Александра III (1159–1181) и выполнял такую же маршальскую функцию.³⁹

Таким образом, анализ непосредственных обстоятельств участия вольнского князя в торжествах коронации Белы IV не является достаточно убедительным отображением вассального подчинения первого венгерскому монарху. Однако цикл внешнеполитических кампаний и визитов

³⁷ КОТЛЯР Літопис, 220.

³⁸ SRHI. 467.

³⁹ ЗИНЧЕНКО, А.: *История дипломатии*. Винница 2002. 214.

Романовичей в Венгрию на протяжении 1235–1241 гг. свидетельствует, что Арпады владели определенным сюзеренитетом над Даниилом, причем не гарантировали никакой военной поддержки в борьбе за Галич, как об этом указывали отдельные историки.⁴⁰ В частности, судя из источников, в ближайшие полтора года деятельности вольных правителей на территории Поднестровья, в их распоряжении не было ни одного венгерского подразделения.⁴¹

Более логичным, как мы считаем, есть мнение М. Грушевского и В. Папуто⁴² о временном невмешательстве в галичские дела. Длительность такого нейтралитета, по нашему мнению, определена не была, поскольку в самой Галиции продолжала править благосклонная уграм группа нобилитета и союзники Белы с династии Ольговичей. Невзирая на то, что они оставались фактическими властителями края, король продолжал использовать в своем титуле приставку “*rex Galitiae et Lodomeriae*”.⁴³ Не отрекался своих прав относительно Галича и Кальман, коронованный диадемой на рубеже 1214–1215 гг. по инициативе своего отца Эндре II и папы Иннокентия III (1198–1216) как “*rex Galitiae*”.⁴⁴

В данном случае нерешенной остается проблема содержания соглашения Арпадов с черниговскими князьями, которые с сентября 1235 г. контролировали Галич и не ощущали в данном регионе ни прямого, ни косвенного сопротивления со стороны боярской верхушки. На первый взгляд это было довольно непонятно, ибо среди галичского нобилитета еще сохранялась память о злоупотреблении властью и, как следствие, казни черниговских Игоревичей в 1210 г.⁴⁵ В данном историческом контексте напрашивается мнение об определенных экономических договоренностях Белы, местной поднестровской знати и Ростислава Михайловича; а также возможно определенный уровень подчинения последнего относительно венгерского монарха.⁴⁶

Оценивая характер зависимости Даниила от короля Белы IV, следует учесть один из обязательных атрибутов вассальных полномочий – военную службу в пользу сюзерена. После возвращения князя из Венгрии, войска

⁴⁰ ШАРАНЕВИЧ ук. соч. 84.; Майоров ук. соч. 36.

⁴¹ ПСРА II. 774-776.

⁴² ГРУШЕВСКИЙ История III. 52-53.; ПАПУТО Очерки. 217.

⁴³ *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis*. Ed. Fejér, Georgius (далее: CD) I-XI. Budae 1829-1844. здесь: IV/1. 156, 215.

⁴⁴ *Długoszy VI*. 204.; *Kronika Polska Marcina Kromera biskupa Warmińskiego*. Sónok 1857. I. 376-377.; ЧУБАТЫЙ, М.: Західна Україна и Рим у XIII ст. у своїх змаганнях до церковної унії. *Зітиски НТШН СХХІІІ-СХХІV*. Львів 1917. 19.

⁴⁵ ПСРА IX. Москва 2000. (reprint) 63.

⁴⁶ Не понятно, почему Ростислав Михайлович, возвращаясь во второй половине 1238 г. с похода на литовцев и узнав о потере Галича, отправился именно к Беле, а не к своим польским родственникам (ПСРА II. 783), которые географически находились ближе. По нашему мнению, такое решение было продиктовано некоторыми обязательствами касательно Арпадов, о которых исторические документы не свидетельствуют.

Романовичей как вспомогательные силы Короны святого Иштвана не упоминаются в ни одном из известных нам источников. Князья сосредоточили свою дипломатическую и внешнеполитическую деятельность в других направлениях. Кроме двух конфликтов с черниговскими правителями за Галич, Даниил и Василько на протяжении конца 1235 – начала весны 1237 гг. провели несколько военных кампаний против болоховских князей, поляков, литовских и половецких племен, которые периодически опустошали приграничные земли Владимиро-Волынского княжества.⁴⁷

Только на рубеже 1236–1237 гг. имеется первое сообщение летописца, что “Даниль же в то время шель бяше съ братомъ своимъ въ Угры къ королевы: бѣ ибѣ звалъ его на честь”.⁴⁸ Отдельные историки (В. Пашуто и Н. Котляр) настаивали на мнении, что это был исключительно дружеский шаг со стороны Бела, причем старший Романович в результате дипломатических переговоров даже сумел получить в свою пользу какие-то уступки в дальнейшей борьбе за Галич. Однако, на наш взгляд, визит к Арпадам был прямым проявлением выполнения вассальных обязанностей в период заострения отношений между сеньором Даниила – Белой IV и австрийским герцогом Фридрих Бабенбергом. Летописец, который об уровне подчинения Романовича должен был знать, очевидно сознательно не внес более детального описания о посещении князем короля. Единственный факт, который привлек его внимание – намерение волынских властителей “идти ...герцикови в помощь”,⁴⁹ фактически нарушая нормы вассального права относительно своего сюзерена.

В исторической литературе (упоминавшиеся В. Пашуто и Н. Котляр) бытует мнение, что этим решением Даниил принудил Бела пересмотреть свое отношение к нему лично и к его претензиям на Галич, в частности; и пойти за определенные уступки. О. Майоров отстаивает точку зрения, что Романовичи на протяжении 1237 г. вообще осуществили два визита в Венгрию, а поэтому, по его мнению, летописную версию данных событий следует внимательно распределять. Первое посещение, по словам историка, было выполнено в начале весны, когда князья не должны были останавливаться в Венгрии, а шли на помощь герцогу Фридриху, с которым еще от 1235 г. завязали дружеские отношения. Однако во второй раз они посетили Арпадов летом, отправляясь “на честь” к Беле. Цель данного визита – подтверждение договора, который Даниил заключил раньше с союзником угров Михаилом Всеволодовичем, получив от него Перемышль; а также волынский властитель, по словам автора, домогался “отказы венгерского короля от дальнейшего вмешательства в галичские дела”.⁵⁰

⁴⁷ ПСРЛ II. 774-776.

⁴⁸ КОТЛЯР Літопис. 228.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ МАЙОРОВ ук. соч. 596-597.

Хронология событий предложенная российским ученым является важной, поскольку в значительной степени объясняет уровень и характер вассального подчинения Даниила. Допуская, что сначала весной 1237 г. “всхоthста иди Даниль съ братомъ Василкомъ герцикови в помощь”, а уже впоследствии, летом того же года, старший Романович отправлялся “на честь”, неисследованным, в контексте данной проблемы, остается целый пакет взаимосвязанных вопросов. При оценивании интерпретации летописных событий О. Майоровым, не до конца понятным является выбор путей, которыми двигались полки Романовичей на помощь союзным Бабенбергам и причины отступа на Русь. Очевидно, владея каким-то военным контингентом, волынские князья направлялись через ближайшие, хорошо известные и в то же время вражеские галичские земли; попав, таким образом, во владение Арпадов, где, как указывал летописец, имели встречу с королем. Какое место в этих событиях занимали галичские бояре и сам Ростислав, к сожалению, неизвестно. Учитывая наличие конфликтов с Даниилом на протяжении нескольких предыдущих месяцев (весны лета 1236 г.), с их стороны стоило бы ожидать не совсем лояльного отношения к маршруту дружины Романовичей через Поднестровье. Однако в летописи нет ни одного указания на какие-то противоречия.⁵¹ Нелогичным выглядит и дальнейшее поведение князей, которые преодолев такое большое расстояние, отказались от предоставления помощи Бабенбергам.

Мы не отбрасываем хронологию, предложенную О. Майоровым, однако понимаем события, приведенные летописцем, по-другому. Ключевым вопросом в данной сложной международной ситуации остается мотивация отказа Романовичей оказать помощь своим австрийским союзникам и позиция галичского нобилитета в процессе продвижения через подвластные ей земли вражеских вооруженных сил.

Если придерживаться позиции В. Пашуто и Н. Котляра о том, что Даниил был целиком самостоятельным в своих внешнеполитических действиях, тогда непонятно, почему волынские князья не продолжили поход против императора Фридриха II (1212–1250) и как, при такой независимости в действиях, мог венгерский монарх “възбранивши има”.⁵² Убеждение Н.Котляра об откупе со стороны Белы⁵³ также не является убедительным, ибо более естественным и понятным следствием подобных желаний был бы арест, или убийство Романовичей, которые, судя из документов, пребывали во владениях Арпадов.

Более логичной для нас является версия того, что военные контингенты Даниила и Василька, в качестве вассально-подданных, двигались к Венгрии, чтобы объединиться с королевскими отрядами и при необходимости общими силами отразить наступление врага. Продвижение во владения

⁵¹ ПСРА II. 776.

⁵² КОТЛЯР Летопис. 228.

⁵³ Ibidem.

Арпадов (как мы допускаем, через галицкие земли) было беспрепятственным потому, что Михаил Всеволодович, Ростислав и местное боярство получили по данному поводу соответствующие инструкции со стороны венгерского монарха, будучи от него в той, или иной, не до конца понятной нам зависимости. Именно же пребывание Романовичей во владениях Бельи и детали встречи с ним является, на наш взгляд, наиболее загадочным моментом летописного эпизода. Каким образом, при каких обстоятельствах Даниил решил изменить политическую ориентацию и поддержать Фридриха Бабенберга, мы считаем, осознать практически невозможно. Однако понятно, что такой шаг вольнского правителя символизировал расторжение вассального соглашения с венгерским королем и, как следствие, начало военных действий Арпадов против князя. Именно это, по нашему мнению, стало предметом разговора Бельи IV и Даниила, после чего «Королевы же, възбранившю има [помогать герцогу Австрии – *М.В.*], възвратиста въ землю свою».⁵⁴

Пребывание на Руси во второй половине весны – первой половине лета 1237 г. Романовичи использовали ради очередного заострения отношений с галицкими властителями. В частности в летописи речь идет о том, что «Абу же наставишу, събрашася [Романович. – *М.В.*] идоста на Галичь на Михаила и на Ростислав, затворила и бо ся бяста в градъ и вверху, множество бяше в него, и възвратившия воеваста около Звинигорода».⁵⁵ Очевидно, что военные силы Даниила с предыдущего похода в Венгрию вернулись без потерь, а поэтому вольнские князья могли успешно начать кампанию, нанеся серьезный материальный ущерб Галицкой земле. М. Грушевский, Б. Влодарский, Н. Полонская-Василенко, Н. Котляр и некоторые другие историки,⁵⁶ непременно ассоциировали присутствие в осажденном Галичи венгров с определенным войском, хотя в летописи на это нет ни конкретного указания, ни намека. Даже если согласиться с таким мнением, имеющиеся в наличии источники не дают четкого ответа на вопрос, были ли это королевские контингенты, или наемники из соседних закарпатских комитатов.

Невзирая на то, что поднестриевская столица не попала в руки Даниила, давление на галицкие владения со стороны уцелевших войск владимировольнского князя было ощутимо, что и символизировало примирение обеих сторон и переход под патронат Романовичей Перемышля.⁵⁷ Этот летописный сюжет также не лишен ряда загадок, поскольку не понятно, почему Михаил Всеволодович и Ростислав решили отдать своему неприятелю земли, которые не имели общей границы с вотчинными

⁵⁴ ПСРА II. 776.

⁵⁵ Ibidem.

⁵⁶ Грушевский История. III. 53; Włodarski op. cit. 112.; Полонская-Василенко ук. соч. II. 197.; Котляр Данило. 85.; Котляр Літопис. 224.

⁵⁷ ПСРА II. 776.

владениями Даниила и Василька. Еще более противоречивым за своей информативностью является согласие последних на такое приобретение. Учитывая геополитическое расположение города и его окраин, а также анализируя закономерности и особенности противостояния местной перемышльской знати и мещан со своими галицкими и волинскими соперниками,⁵⁸ говорить о логичности и желательности установления власти Романовичей в данном регионе не приходится. Алогичным в контексте закрепления здесь власти последних есть и факт наличия в Перемышле на протяжении XI–XIII ст. существенных венгерских влияний, что на уровне археологических исследований было доказано польскими учеными А. Коперским, М. Парчевским и Г. Закржевской.⁵⁹

Поэтому, на наш взгляд, переход указанного города во владения Даниила на данном этапе его отношений с черниговскими властителями и венгерским монархом не следует считать важным успехом волинских князей. В контексте военно-политических отношений, которые имели место в этом противоречивом регионе между выше названными сторонами, включение отрезанного населенного пункта (каким был Перемышль относительно вотчины наследников Романа – Владимирско-Волинского княжества) в состав подчиненных Даниилу территорий больше напоминало ленное предоставление со стороны Белы. К такому мнению мы приходим на основании летописной версии описываемых событий. Какими полномочиями относительно Перемышльской земли к тому времени владел Михаил, автор не сообщает,⁶⁰ а поэтому, как мы считаем, данная территория могла и не находиться под его полной протекцией. Отсюда – не исключенным является участие Арпадов в передаче города и окраин волинским правителям.

Таким образом, следующий визит Даниила к королю “на честь”, который вероятно имел место в первой половине осени 1237 г. и лишней раз подтверждал его вассальную подчиненность от венгерского правителя, является целиком закономерным. Сравнивая данный летописный эпизод с обстоятельствами поездки старшего Романович в декабре 1245 – январе 1246 гг. в ставку хана Бату – Сарай и, как следствие, оценками этого визита автором источника (“зАБе злая честь Татарска”),⁶¹ становится понятным, что посещение Арпадов не было ничем другим, как очередным выполнением вассальных обязанностей. О.Майоров объяснял присутствие волинского князя при дворе венгерского монарха намерениями легитимировать переход

⁵⁸ МАЙОРОВ ук. соч. 168-171.

⁵⁹ KOPERSKI, A. – PARCZEWSKI M.: Das Altungarische Reitergrab von Przemyśl (Südostpolen). In: *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 30 (1978):1-2. 213-231.; ZAKRZEWSKA, G.: Die Knochenreste eines Pferdes aus dem altungarischen Grab in Przemyśl. In: *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 30 (1978):1-2. 235-241.

⁶⁰ ПСРА II. 775-777.

⁶¹ Ibidem 805.

Перемьшля под свою протекцию. Мы не отрицаем данной версии, однако считаем, что инициатором такого перехода мог быть и сам Бела, который видел постепенное преимущество Даниила в борьбе с черниговскими правителями, а поэтому, на фоне своих экономических интересов в Галиции, начал больше протектировать первому.

Поддержка Романовичей со стороны Арпадов в противостоянии с Михаилом и его сыном сыграла ключевую роль во второй половине 1238 г., когда первые сумели закрепить за собой и Галич, а Ростислав, отправившись в Венгрию, не получил там от Белы никакой поддержки. Это обозначало изменение формы отношений не только между черниговскими князьями и Даниилом, но и между волынскими правителями и Арпадами. На наш взгляд, последние осознавали, что нет смысла сопротивляться территориальному расширению земель Романовичей, среди которых старший был вассалом Белы IV. Параллельно король хранил среди местного нобилитета немалый авторитет, который особенно проявился в 1240–1241 гг. после побега некоторого количества галичского боярства перед нашествием татар в земли Короны.⁶² Поэтому, на наш взгляд, со стороны венгров не было потребности в очередной раз обострять отношения между восточнославянскими властителями в районе Поднепровья (вторая половина 1238 г.), особенно на фоне вторжения монгол в границы Волжской Булгарии и северо-восточной Руси (1235–1238 гг.). Об этом при дворе венгерского монарха было подробно известно из писем хана Батыя.⁶³

Следующим этапом демонстрации вассально-сюзеренных отношений Даниила и Белы, по нашему мнению, был период 1240–1245 гг., а именно – от нашествия кочевников в Центральную Европу до Ярославской битвы 17 августа 1245 г. Вторжение отрядов Чингизидов в земли Рязанского, Коломенского, Муромского, Владимиро-Суздальского княжеств и их опустошения на протяжении 1236–1238 гг. вызвало серьезный резонанс среди правителей Галичской и Волынской земель, поведение которых в 1239–1241 гг. удостоверяло вассальное подчинение от венгерского монарха.

В частности, Михаил Всеволодович весной 1239 г. "...бѣжа по сыну своемъ передъ татары въ Угры". Летописец зафиксировал, что он пребывал при дворе Арпадов достаточно длительное время (несколько месяцев), предлагая Беле женить своего сына с его дочерью Анной, о чем свидетельствует следующий сюжет источника ("Король же не вдасть дѣвкы

⁶² FONT, M.: Einige Repräsentanten des Kleinadels im polnisch-ungarischen Grenzgebieten im 13. Jh. und die Zukunft ihrer Familie. In: *Specimina nova dissertationum ex Instituto Historico Universitatis Quingueeclesiensis de Iano Pannonio nominatae. Pars prima*. XI. (1995) 237-250. здесь: 240.

⁶³ SRH II. 541. (Relatio fratri Riccardi); АННИНСКИЙ, С.А.: Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе. In: *Исторический архив* III (1940) 71-113.

своей Ростислав. Идоста Михаилъ и Ростислав къ усви своему в Ляхы и къ Кондратови...”).⁶⁴

В данном контексте нас интересуют мотивы договоренности черниговских князей с венгерским монархом, которая предусматривала не только династический, но и, очевидно, в контексте борьбы за Поднестриевье, военно-политический аспект. Учитывая, что от второй половины 1238 г. Бела опутимо расширил патронат над Ростиславом и возможно даже предоставил в его временное ленное распоряжение отдельные домениальные владения (как это было после 1241–1242 гг.),⁶⁵ на наш взгляд, целесообразно говорить о попытке Михаила уравнивать, или даже повысить статус собственного сына претендента на галицкий престол, перед другим вассалом короля – Даниилом.⁶⁶ Хотя последний владел династическими правами относительно Галича, черниговские князья понимали необходимость дополнительного подкрепления собственных претензий через легитимный брачный договор с Арпадами.

Похожая ситуация имела место в 1214–1215 гг., когда Эндре II и краковско-сандомирский правитель Лешек Белый (1202–1227 гг. с перерывами), на фоне разделения Галицкой земли, с целью легитимации прав на Поднестриевье, оженили своих детей Кальмана и Саломею, соответственно. Данное брачное соглашение, а также идея коронации сына венгерского короля получили одобрение со стороны галицкого боярства и папы Иннокентия III.⁶⁷ Аналогичными были события борьбы за Галич на протяжении 1226 г., в результате которых другой сын венгерского короля Эндре взял в жены дочь Мстислава Удатного и при содействии бояр в 1232 – 1234 гг. был правителем региона.⁶⁸

Об особом статусе вассальной зависимости Ростислава Михайловича от Арпадов дополнительно свидетельствует факт отказа последних на заключение брака. Венгерский историк М. Вертнер писал, что венгры хорошо заботились о сохранении “чистоты природы” своей династии,⁶⁹ а поэтому не спешили родниться с, как они считали, неровными себе. Если допустить, что переговоры о браке происходили на фоне захвата в октябре 1239 г. вотчины Ольговичей г. Чернигова кочевниками, тогда решение Белы IV выглядит целиком логичным. О падении столицы княжества Михаил, скорее всего, знал, поскольку после посещения Венгрии отправился “...къ

⁶⁴ ПСРЛ II. 783.

⁶⁵ CD V /1. 55.

⁶⁶ Внешнюю политику Короны четко регламентировали постановления булл Эндре II от 1222 и 1231 гг. Так в артикулах №11 от 1222 и №11 от 1231 Золотых булл констатировалось: “Иноземной знати, которая прибывает в страну, конечно, если она не желает стать ее жителями, не предоставляются должности, потому что они выносят из страны богатство”. См. DRMH 33, 38.

⁶⁷ ЧУБАТИЙ ук. соч. 19.

⁶⁸ ПСРЛ II. 750.

⁶⁹ WERTNER, M.: *Die Allianzen der Arpaden. Politisch-genealogische Studie*. Wien 1887. 7.

усви своему в Ляхы и къ Кондратови”, где и пребывал вместе с сыном до середины 1240 г. Можно согласиться и с Н.Котляром, который выдвинул предположение, что восточнославянские правители все же имели намерения найти поддержку в борьбе за Галич.⁷⁰

Таким образом, можно констатировать, что на протяжении 1239 г. Ростислав относительно Бела сохранял некоторые вассальные обязательства, которые пытался разорвать при поддержке своего отца путем заключения династического и, очевидно, военно-политического договора с Арпадами. Его надежды претерпели неудачу, поскольку противоречили личным интересам венгерского короля и международной обстановке в районе Поднестровья. Известно, что со второй половины 1239 г. Романовичи начали увеличивать свое внешнеполитическое присутствие на Руси, присоединив зимой того же года в состав своих владений г. Киев.⁷¹

Расширение полномочий Даниила и Василька в соседних княжествах и землях никоим образом не отразились на уровне вассальной подчиненности старшего Романовича от Бела IV. Об этом свидетельствуют особенности их взаимоотношений на протяжении 1239–1241 гг. Галицко-волынский князь в это время осуществил важный визит к Арпадам, который имел две фазы и предусматривал коренное изменение геополитической ситуации в Центрально-Восточной Европе. Однако в существующей исторической литературе, на наш взгляд, этот вопрос получил недостаточно полноценное освещение.⁷² Детального анализа требуют целые блоки проблем, начиная от изучения хронологии пребывания Романового сына в Венгрии, завершая спецификой переговоров с местным королем, подсчетом приблизительной численности восточнославянской дипломатической делегации и выяснением особенностей борьбы обеих правителей с кочевниками в 1241–1242 гг.

⁷⁰ КОТЛЯР *Літопис*. 237.

⁷¹ ГРУШЕВСКИЙ *История*. 56.

⁷² АННИНСКИЙ ук. соч.; БАБЕНКО, Р.: *Взаємовідносини Золотої Орди і Південно-Західної Русі в XIII ст.* Київ 2004.; Он же: *Прикордонні землі Південно-Західної Русі і Золотої Орди (друга половина XIII ст. – перша половина XIV ст.)*. In: *Історія України в ілюстраціях III* (2000) 6-12.; ВЕРНАДСКИЙ, Г.: *Монголы и Русь*. Тверь–Москва 1997.; ГОЛОВКО, А.Б.: *Держава Романовичів та Золота Орда* (40 – 50-pp. XIII ст.). In: *Український Історичний журнал (УІЖ) IV* (2004) 3-16.; ГУМИЛЕВ, Л.Н.: *Древняя Русь и Великая степь*. Москва 1989.; ЖДАН, М.: *Другий напад татарів на Україну (1238–1241)*. In: *Визвольний шлях VII-VIII* (1965) 775-787.; КАРИПОВ, В.В.: *Монголо-татарське нашествие на Русь*. Москва 1966.; ЛЕДЕРЕР, Э.: *Венгерско-русские отношения и татаро-монгольское нашествие*. In: *Международные связи России до XVII в.. Сб. статей*. Москва 1961. 181-202.; Она же: *Татарское нашествие на Венгрию в связи с международными событиями эпохи*. In: *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungariae*. II (1953) :1-2ю 1-45.; ОСИПИАН, О.: *Нове джерело з історії монгольського походу країни Центрально-Східної Європи (1236–1242 pp.)*. In: *Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст. IV*. Київ 2004. 331-347.; *Татаро-монголы в Азии и Европе. Сборник статей*. Ред. ТИХВИНСКИЙ, С.А. Москва 1977.; *A tatárjárás Magyarországon és a nemzetközi politika*. Ed. L. ZICHY. Budapest 1952.; SENG, T.: *IV Béla külpolitikája és IV. Ince pápához intézett tatár-levele. Századok*. 121 (1987) 584-611.

Известно, что Даниил “...Бхаль бяше ...Оугры ко королевы”, еще не зная “...прихода поганыхъ Татаръ на Киевъ”.⁷³ В следующем эпизоде источника понятно, что предметом обсуждения было вероятное бракосочетание его сына с дочерью венгерского монарха (“...хотя имѣти с нимъ любовь сватьства...”).⁷⁴ Из вышеприведенных цитат вытекает, что инициатором поездки в Венгрию, очевидно, был Романович, ибо именно он выступал наиболее активным участником переговоров. Не исключено, что галицко-волинский князь пытался избавиться от вассальной подчиненности сбоку Бела, через заключение равноправного династического союза на фоне недавних собственных внешнеполитических приобретений и вторжения монгол в границы Юго-Западной Руси, о которых он конечно же знал. Однако эта версия развития событий, предложенная большинством исследователей, на наш взгляд, требует более детального подтверждения.

Визит мог предусматривать и выполнение определенных вассальных обязательств, поскольку князь со своим сыном достаточно длительное время не покидал границ Короны. Именно нелогичная длительность пребывания восточнославянского властителя и его окружения в пределах Венгрии, на фоне монгольской угрозы, является первым заданием, которое следует выяснить в данном эпизоде исследования. Понятно, что Даниил появился при дворе Бела до “...прихода поганыхъ Татаръ на Киевъ”, а поэтому можно считать, что начало визита пришлось на сентябрь – октябрь 1240 г. В то же время сообщение летописи о взятии ханом Бату Киева (“...вземшиа град Киев и слышавшу ему о Данииле, яко во Угрехъ естъ”) и цитата об отъезде Романовича из владений Арпадов (“множество бѣжащи оу безбожны Татаръ”)⁷⁵ дает основания датировать приблизительное время отъезда из владений Короны январем, или началом февраля 1241 г. Следовательно, наиболее достоверный срок пребывания самого князя на территории Короны составлял приблизительно 4-4,5 месяца.

После возвращения старшего Романовича, судя из летописи, Лев, с частью галицких бояр и сопроводительного войска продолжал оставаться в Венгрии еще на три месяца – до апреля 1241 г.⁷⁶ Поскольку источники не сообщают о нескольких приездах Даниила к Беле IV от октября 1240 до апреля 1241 гг., можно констатировать, что визит был только один. Таким образом, общая длительность присутствия галицко-волинской делегации в Венгрии превышала полгода. Учитывая реальную угрозу со стороны татар, это было слишком долго, ибо в то же время лишало возможности Романовичей выделить достаточно времени для фортификации

⁷³ ПСРЛ II. 786.

⁷⁴ ПСРЛ II. 787.; КОТЛЯР Літопис. 241.

⁷⁵ ПСРЛ II. 786-787.

⁷⁶ ПСРЛ II. 786-788.

подвластных земель, подготовки войска, снаряжения, привлечения вероятных союзников и др.

В целом, посольство восточнославянских правителей было достаточно численным, включая, как свидетельствует Ипатьевская летопись, двух князей, несколько бояр, дружинников (как личных ленников Даниила и Льва) и, скорее всего, военное окружение галицкого нобилитета.⁷⁷ Поэтому можно допустить, что количество участников достигало даже несколько сот персон. В условиях обычного дипломатического визита старшего Романовича, о котором писали ученые второй половины XIX – начала XX вв.,⁷⁸ такой состав его участников нам кажется слишком большим. Более реальной причиной посещения было обсуждение между обоими монархами вопроса об общей обороне владений Арпадов, причем Даниил, что очевидно, должен был выполнять обычную для себя функцию вассала Белы и, соответственно, защитника его восточных земель.

Однако старший Романович, как мы допускаем, во время переговоров выступил инициатором изменения характера взаимоотношений с венгерским королем, предложив ему династический союз и военно-политический договор на равноправных основаниях. К такому развитию переговоров галицко-волинский князь, по-видимому, был готов предварительно, поскольку Лев сопровождал его в этой поездке и оставался в Венгрии к апрелю 1241 г.

Следующей проблемой, которую следует раскрыть – это мотивы и причины распределения сил восточнославянских князей в январе-феврале 1241 г. в период вторжения кочевников в границы Волинской и Галицкой земель. Историки данным вопросам не уделяли особого внимания, хотя детальный анализ существующих источников, а главным образом, Ипатьевской летописи, требует зафиксировать следующие наблюдения.

Даниил в результате визита к Беле, хотел “имѣти с нимъ любовь сватьства...”, однако, по указаниям документа, понятно, что “...не бы любви, межи има”.⁷⁹ В этом контексте логичный вопрос и возражение вызывает реплика автора летописи о том, что Романович оставил Льва в Венгрии, поскольку не хотел отдать его в руки неверных галичан.⁸⁰ С другого сообщения того же автора известно, что в апреле 1241 г. сын Даниила “...вишпешоу... изъ Оугоръ с бояры Галичкыми и приѣха во Водаву ко оуцю”.⁸¹ Следовательно, летописец сам себе отрицает и не исключено, что

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ ГОЛОВКО ук. соч. 4.; СТАХІВ, М.: Корона Данила и татары. In: *Analecta OSBM*. Roma II/2. (1954):1-2. 138-139.; ПАЛАУЗРВ, С.Н.: *Ростислав Михайлович, рижский удельный князь на Дунае в XIII в.* СПб. 1851. 12.

⁷⁹ ПСРА II. 787.; КОТЛЯР Літопис. 241.

⁸⁰ ПСРА II. 787.

⁸¹ ПСРА II. 789.

именно такая форма подачи информации была запланирована предварительно.

На наш взгляд, переговоры о возможном династическом союзе могли иметь место и после отъезда старшего Романовича. Их инициаторами и продолжателями, как мы считаем, были влиятельные галичские бояре, которые остались возле Арпадов и, что важно, еще в 20–30-х гг. XIII в. часто выступали посредниками в заключении похожих соглашений между русскими князьями и венгерскими правителями.⁸² Участие самого Льва в вероятном обсуждении данного вопроса, на наш взгляд, исключается, поскольку он, по свидетельству летописи, в августе 1245 г. был еще юношей.⁸³ Исследование М. Баумгартена и Л. Войтовича показывают, что сын Даниил родился около 1228 г.,⁸⁴ а поэтому на момент ведения переговоров ему исполнилось не более 13–14 лет. Понятно, что за таких условий, на фоне нападения монгол, поднестровская знать выступала главным защитником интересов земли, своих лично, ибо стремилась сбросить собственные именные; а поэтому гипотетически также была заинтересованной в заключении соответствующего союза. Однако, за отсутствия надлежащего количества документов, мы исключительно допускаем такой ход переговоров.

При анализе событий, которые имели место во владениях Арпадов, непонятным, после отъезда оттуда, остается поведение старшего Романовича. На протяжении первых зимних и весенних месяцев 1241 г. галичко-волинский властитель осуществил ряд изнурительных визитов в отдельные польские и русские земли. Динамика этих поездок (начало 1241 г. из Венгрии на Русь к Холму; далее, где-то в феврале 1241 г. – в Краковско-Сандомирское княжество Судомиру, откуда – во владения брата мазовецкого князя Конрада – Болеслава, где от него на короткое время получил в кормление г. Вышгород. В марте 1241 г. Даниил отбыл к г. Дорогочину; в течение марта апреля 1241 г. – к Владимиру и Берестью; в апреле 1241 г. князь отправился в малопольский г. Володаву, откуда окончательно выехал в Галицию к г. Синеводско),⁸⁵ по нашему мнению, не просто свидетельствует о желании Даниила избежать столкновения с войсками ханов, на что намекал автор летописи,⁸⁶ а о намерении, возможно даже при согласии, или за приказом короля, организовать общее угро-руско-польское войско, которое бы смогло дать генеральный бой монголам. Именно о таком задании свидетельствует посещение северных территорий Центрально-

⁸² ТАТИЩЕВ ук. соч. 485; *Vetera Monumenta Historica Hungariam sacram Illustrantia*. Ed. THEINER, A. Romae 1859. I.1.; ПСРА II. 750.

⁸³ ПСРА II. 804.

⁸⁴ ВОЙТОВИЧ, Л.: Друта галичка династия. Загадки и проблеми досліджен. In: *Pamięt stolit V*. (2002) 39; BAUMGARTEN N.: *Généalogies et mariages occidentaux des Ruriques Russes. Du Xe au XIII siècle*. Roma 1928.

⁸⁵ ПСРА II. 786–789.

⁸⁶ ПСРА II. 786.

Восточной Европы, которые частично лежали в стороне от путей продвижения татар на запад и где можно было бы завербовать необходимые силы. Этому содействовали существующие семейные отношения Арпадов с польскими князьями и соответствующая вассальная подчиненность Даниила.

Однако в это же время отдельные монгольские отряды, судя с хроники Рогерия, в начале 1241 г. вышли к Карпатам, преодолели на перевалах сопротивление королевского войска и вторглись во владения Арпадов.⁸⁷ Именно здесь 11 апреля 1241 г. в бой с кочевниками “на рѣцѣ Солоной” вступили главные силы венгерского короля.⁸⁸ В столкновении с татарами Бела “...потерял ...большую часть своего войска [и – М.В.] начал убегать”.⁸⁹ Поскольку документы не дают никаких сообщений об участии в битве восточнославянской знати, мы считаем, что Лев со своим окружением покинул лагерь Белы IV еще до стычки с татарами и, по словам летописца, где-то в апреле 1241 г. “...приѣха во Водаву ко оуцю”.⁹⁰

Не исключено, что Даниил, пребывая за границами владений Короны, мог еще надеяться в позитивное для себя завершение переговоров о браке Льва с дочерью Белы и равноправный военно-политический союз. Только с приездом своего сына и очевидного обсуждения ситуации, которая сложилась за предыдущие месяцы, князья решили не помогать Арпадам в борьбе с монголами.

Таким образом, приходится констатировать, что в первой четверти 1241 г. военные подразделения вассала венгерского короля – старшего Романовича участия в обороне территорий своего сеньора не брали. Такой шаг стал решающим в процессе дальнейшего разрыва сюзеренных отношений и их глубокого заострения в следующие три года. Поведение галицко-волинского правителя противоречило артикулу №7 Золотой буллы 1222 г. и №8 от 1231 г. Эндре II, где констатировалось: “Если войско выступает против нашей страны, все вместе и каждый отдельно обязан стать на защиту родины. Если войско, которое идет против нас, отступит, мы должны его разбить до конца”.⁹¹ Нарушение классического вассального долга со стороны Даниила вынуждала Белу отреагировать на такое изменение отношений с восточнославянским князем, однако на протяжении весны 1241 – лета 1242 гг. этому помешало вторжение монголов в земли Короны.

Таким образом, на конец 1241–1245 гг. приходится заключительный период сюзеренно-вассальных отношений галицко-волинского правителя и

⁸⁷ SRH II. 561. (Rogenii Carmen Miserabile)

⁸⁸ ПСРА II. 787., IV. 36. (Новгородский и псковские летописи. СПб. 1848.)

⁸⁹ “Великая Хроника” о Польше, Руси и их соседях XI – XIII вв. Изд. Щабелева, Москва 1987. (далее: ВХП) 155.

⁹⁰ ПСРА II. 789.

⁹¹ DRMН 33, 37.

венгерского монарха, которые, *de facto*, уже тогда были лишены жизнеспособности. Однако дальнейшее рассмотрение этой проблемы, на наш взгляд, невозможно без детального анализа участия в борьбе за Галич указанного времени Ростислава Михайловича и его отца.

Известно, что после изгнания из Венгрии (“Король же не вдасть дѣвки своя Ростислав”),⁹² Михаил с сыном приблизительно до середины 1240 г. пребывали при дворе своего родственника Конрада – князя мазовецкого, откуда, в результате инициируемых ими же переговоров (“Присла и бо Михайль послы къ Даниилу и Василю”),⁹³ отправились во владение Романовичей. О детальном характере соглашения между правителями в известных нам источниках речь не идет, однако, судя из следующих данных летописи, понятно, что черниговские князья получили в кормление некоторые галицко-волынские территории. Так “Даниль... обѣща ...Кыевъ Михайловы, а сынови его Ростиславу вдасть Лупецкъ...”.

Однако, после отказа отъехать к Киеву (“...за страхъ татарьскый”), Михаил Всеволодович получил пожалование в пределах Галицкого княжества. Об этом указывает наличие в его владениях “...овец довольно...”.⁹⁴ Поскольку, за исследованиями современных украинских этнологов, наиболее типичным краем для культивирования овец было Прикарпатье и Карпаты,⁹⁵ можно констатировать, что именно некоторые из этих земель находились в подчинении князя. Выше приведенное указание документа позволяет допустить, что эти территории оказались в пользовании Михаила между концом мая – началом сентября 1240 г., когда овцы выгонялись на полонину и их количество можно было наблюдать воочию.⁹⁶ Не исключено, что волынский летописец был осведомлен с местной традицией.

Мнение о контроле черниговским правителем именно галицких земель дополнительно подтверждается анализом следующего летописного сообщения, в котором вспоминается такой населенный пункт как Коломыя. Источник констатирует, что отдельные представители местного нобилитета, в частности Доброслав Судыч и Григорий Василькович приблизительно на середину 1241 г. “...Бакату все Понизье прія, безъ княжъя повеленій, ...горною страну Премьшльскую мысляше одрѣжати...”, а также предоставили ряд волостей черниговским боярам.⁹⁷ Летописец, описывая спор Данилового посла-стольника Якова Марковича с Доброславом, словами первого засвидетельствовал, что “велици князи дрѣжать... сею

⁹² ПСРЛ II. 783.

⁹³ КОТЛЯР Літопис. 237.

⁹⁴ Ibidem 238.

⁹⁵ ТЫВОДАР, М.П.: *Традиційне скотарство Українських Карпат другої половини ХІХ–першої половини ХХ ст.* Київ 1994. 1-3.

⁹⁶ ВОРОПАЙ, О.: *Звіскі нашого народу. Етнографічний нарис.* Київ 1991. II. 92.

⁹⁷ КОТЛЯР Літопис. 243-244.

Коломыю”.⁹⁸ Среди известных на то время “великих князей” в юго-западных княжествах Руси были только два – Даниил и Михаил.

Поэтому мы и приходим к промежуточному выводу, что указанная большая передгорная прикарпатская территория (какая, по нашему мнению, включала Коломыю и прилегающие населенные пункты, известные соляными залежами) могла находиться под контролем сына Всеволода Чермного и его близкого окружения. Констатация влияния князя в Понизье также вытекает из слов автора источника, который указывал, что Ростислав в конце 1241–начале 1242 гг., на этапе восстановления борьбы за Галицию, получил здесь значительную поддержку среди различных прослоек населения.⁹⁹

Не исключено, что в процессе обсуждения между Даниилом и черниговским князем вопроса о предоставлении последнему некоторых территорий в кормление, определенное место занимала “венгерская проблема”. Коломыйская волость, которая своими западными границами частично входила в Понизье, параллельно была приграничной территорией с северо-западными околицами Короны, поддерживая с ними тесные экономические связи. Одна из версий названия города (сегодня районный центр Ивано-Франковской области, Украина) удостоверяет его происхождение от имени “галичского короля” Кальмана.¹⁰⁰

На этапе правления последнего в Галичине (1214–1221 гг. с перерывами) известный своими соляными залежами край и один из самых больших в нем населенный пункт, могли стать прямым доменом правящей династии. С разработки польского ученого А. Йодловского известно, что калушско-коломыйские соляные рудники (при установлении в Поднестровье власти венгров) составляли практически единое географическое целое с трансильванскими залежами данного сырья, и залежами сосредоточенными в комитате Марамарош.¹⁰¹ Существование в распоряжении Арпадов соляной палаты, которая приносила немалые прибыли правящей династии, констатируется артикулами №24 и 25 Золотой буллы 1222 г. Эндре II, а дальнейшая его заинтересованность в торговле солью фактически подтверждена артикулом №18 обновленной Золотой буллы 1231 г.¹⁰²

С выше приведенных фактов можно сделать предположение о том, что желание получить новые соляные залежи и их активное использование в своих целях среди венгерской феодальной верхушки хранилось и в конце 30-х – начале 40-х гг. XIII в., при условиях реальной угрозы со стороны

⁹⁸ Ibidem 244.

⁹⁹ ПСРА II. 792.; Грушевский История. III. 56.

¹⁰⁰ Партицкий, О.: *Старина история Галичини*. Львів 1894. I. 346.; WAJGL. L.: *Rys miasta Kolomyji*. Kolomyja 1877. 1-2.

¹⁰¹ JODŁOWSKI A. *Technika produkcji soli na terenie Europy w pradziejach i we wczesnym średniowieczu. Studium archeologiczne*. Warszawa 1976. 45.

¹⁰² DRMН 33, 38.

кочевников. Не зная этой черты внешнеполитической стратегии Бела и его предшественника относительно Поднестровья Даниил и Михаил, как самые главные претенденты на галицкий престол, на наш взгляд, не могли. Старший Романович, будучи на середину 1240 г. вассалом короля, должен был осознавать особый интерес последнего относительно богатых на соль приграничных восточнославянских земель. Поэтому их передача в пользование черниговских феодалов, очевидно предусматривала здесь соответствующее ослабление торговых прав и привилегий со стороны “королевских людей” и церковных структур Венгрии, которые духовенство, в частности, получило согласно договору Эндре II и папского легата, заключенного в 1233 г. в комитате Берег.¹⁰³

Не исключено, что при содействии черниговских князей Романовичи пытались создать определенную оппозицию венгерским влияниям в Галиции, которые имели место на рубеже 30–40-х гг. XIII в. и не позволяли самому Даниилу избавиться от вассальной зависимости от Бела IV. Его доброжелательное поведение с Михаилом и Ростиславом в собственных землях, а также немедленный (в сентябре – октябре 1240 г.) визит в Венгрию с целью заключения описанного выше династического союзнического военно-политического договора с Арпадами позволяет выдвигать именно такое предположение. Однако, недлительное (несколько месяцев) пребывание князя Михаила во владениях Романовичей засвидетельствовало его диаметрально противоположные намерения относительно Поднестровья, обусловив переориентацию на свою сторону “останок галичань” и духовенства, в частности – епископа Артемия.¹⁰⁴ Такое изменение взглядов лидера местного клера могло некоторым образом зависеть от заключения выше описанного соглашения 1233 г., а также от лояльного отношения черниговских властителей к католицизму.

После неожиданного отъезда сына Всеволода Чермного к Конраду в конце 1240 г., прохождения через Поднестровье войск монгольских ханов в декабре 1240 – марте 1241 гг. и побега некоторых местных бояр в Венгрию, юго-восточная часть Галицкой земли, потеряв номинального правителя, могла перейти в пользование упомянутых Доброслава, Григория и приближенных князя Михаила, которые косвенно выступали защитниками интересов последнего. За своим социальным статусом черниговский нобилитет пребывал на низшей, в сравнении с местной знатью, ступени, поскольку лично зависел от своего сюзерена. В то же время галицкая феодальная элита в отношениях с представителями правящих династий следовала принципу “*primus inter pares*”.¹⁰⁵ Однако понятно, что обе группы

¹⁰³ *История Венгрии*. I–III. сост. Исламов, Т.М. - Пущкац, А.И. - Шумарин, В.П. Москва 1971–1972. здесь: I. 130. (написано Шумариным)

¹⁰⁴ ПСРА II. 792–794.

¹⁰⁵ Войтович, Л.: Князівська верста в галицькій землі. In: *IV Міжнародний конгрес українистів*. Одеса-Київ-Львів 1999. 80.

знати поддерживали черниговских властителей. К этому мнению мы пришли на основании анализа летописной версии о обновлении Ростиславом Михайловичем на рубеже 1241–1242 гг. своей борьбы за Галич именно по Понизья.¹⁰⁶

Понятно, что его деятельность не противоречила внешнеполитической стратегии Арпадов. Такой взгляд автора статьи базируется на дальнейшем рассмотрении данного противостояния. Летописная версия событий, которая является основной при исследовании данного эпизода отношений Даниила с Белой и его восточнославянскими союзниками для большинства ученых, констатирует, что в середине – второй половине 1241 г. “Ростиславъ събралъ князи болоховские и останокъ галичанъ, прїйде ко Бакотѣ”.¹⁰⁷ При их содействии он сумел на короткое время овладеть Галичем, где на протяжении конца 1241 – весны 1242 г. пользовался поддержкой боярина Володислава и епископа Артемия. Однако успешные мероприятия Романовичей против союзных татарам болоховских князей и контрнаступление на столицу Поднестровья принудили черниговского правителя отступить из занятых территорий. Возвращение монгол в середине – второй половине 1242 г. с Венгрии и стычка, которая имела место между отрядами Ростислава и кочевников в Борку, принудила молодого князя “...бѣжа... Оугры”.¹⁰⁸

Не выясненными остаются причины побега именно во владения Бель. После того, как Бату “...пробыл в ...[Венгерском – *М.В.*] королевстве год или больше, совершив жестокою резню в народе и нечестивое разорение городов”,¹⁰⁹ Арпады пребывали далеко не в наилучшей международной обстановке, будучи вынуждены почти полностью восстанавливать свои территории. Обращение черниговского князя с помощью к уграм не менее странное еще и потому, что совсем недавно (в октябре 1238 г.) Ростислав вместе со своим отцом, по неконструктивному (с точки зрения Бель IV) предложению породниться, был выгнан из Венгрии. Если при этом учесть, что по состоянию на середину 1242 г. сын Михаила Всеволодовича превратился в обезземленного князя, такового, что, по сравнению с 1238 г., вообще мало что имел с движимого и недвижимого имущества, тогда, на первый взгляд, целиком неоправданным выдается решение венгерского монарха принять его с достаточно значительными почестями.

В частности венгерские дипломы свидетельствуют, что Ростислав получил в жалование восточные комитаты Абауйвар, Саболч и Земплин.¹¹⁰ Учитывая постановления артикул Золотых булл 1222 и 1231 гг., становится понятным, что молодой князь за своим статусом превратился в ишпана

¹⁰⁶ ПСРА II. 793.

¹⁰⁷ Ibidem 791.

¹⁰⁸ ПСРА II. 794.

¹⁰⁹ ВХП 155.

¹¹⁰ CD V/1. 55.

Венгерской Короны, причем за артикулом №11 указанных документов был обязан участвовать во всех внешнеполитических акциях своего сюзерена.¹¹¹

Поэтому на данном этапе анализа исследуемой проблемы важным аспектом является характеристика причин, которые обусловили восстановление контактов между Арпадами и князем-беглецом. На наш взгляд, кратковременное держание Михаилом Всеволодович пограничных с Венгрией богатых на залежи соли и другого стратегического сырья земель нормализовало отношения с Арпадами, а особенно – с венгерским нобилитетом, который имел здесь свои интересы. На фоне периодических намерений Даниила Романовича избавиться от вассальной подчиненности со стороны Белы, подобные мероприятия сближали короля с черниговскими властителями, даже несмотря на заострение отношений между ними в 1238–1240 гг. Благодаря успешной политике Михаила его сын Ростислав в конце 1241 – первой половине 1242 гг. получил среди галицкой и болоховской знати необходимую поддержку в борьбе за Поднестровье; а после поражения без проблем был принят Белой IV.

Фактически от конца 1242 – начала 1243 гг. последнее противостояние за Галич проходило на фоне, во-первых, прямого участия Арпадов, которые пытались наказать своего галицко-волинского вассала за несоблюдение соответствующего обета и в очередной раз установить в регионе свою административно-политическую власть; во-вторых, жажды венгерского нобилитета возобновить контроль над экономически важными для себя восточнославянскими землями.

Такой подход автора базируется на основании исследования летописей, а также грамот, обнаруженных венгерским археографом Г. Феером и подробно выученных историком А. Годинкой.¹¹² Подтверждает нашу позицию и первая часть артикула №14 Золотой буллы 1231 г.¹¹³ Это значило, что Бела по собственному желанию не мог организовать достаточно серьезного войска, поскольку был ограничен привилегиями и полномочиями венгерских феодалов. Однако сами бароны были заинтересованы в реанимации своих влияний в Галиции и это достаточно хорошо летописец отобразил фразой “Ростиславъ, же моливъ угорь много”¹¹⁴. В данном случае интересы Арпадов и подчиненной им феодальной верхушки совпадали, поскольку тяжело объяснить, почему на

¹¹¹ DRMН №11. 38.: “Иноземной знати, которая прибывает в страну, если она не хочет стать ее жителями, не предоставляются должности, потому что они выносят из страны богатство” №14: “О новых правилах для знати и других касательно воинской повинности: а) Если мы будем воевать за пределами страны, знать не обязана выступать с нами; б) Только испанцы и солтисы, йобатионы королевских крепостей, а также те, которые согласно должностей относительно этого обязаны и те, кому мы предоставили наибольшие владения”

¹¹² CD IV/1. 396.; HODINKA, A.: *Az ország énkönyvek magyar vonatkozásai*. Budapest 1916. 284.

¹¹³ DRMН №14. 38.

¹¹⁴ КОТЛЯР, Литопис 249.

рубеже 1242–1243 гг., после предыдущего отказа “...король Оугорский вдав дочь [Ростиславу – М.В.]”¹¹⁵

По нашему мнению, Бела пытался дополнительно подкрепить династические претензии на Галицию через соответствующий брак своей дочери и представителя дома Ольговичей, которые владели правами относительно владений Ростиславовичей и активно пытались их реализовать в конце XII – первой половине XIII вв. Намерения Арпадов были целиком логичными, поскольку на 1243 г. среди живых уже не было братьев действующего монарха – “галицкого наместника” Эндре и “галицкого короля” Кальмана, которые умерли в 1234 и 1241 гг. соответственно. В прошлом, при поддержке папства, венгерского нобилитета и баронов, они владели необходимыми основаниями относительно установления своей власти в Поднестровье. В результате возвращения монголов в причерноморские и прикаспийские степи, на середину 1242 г. венгры частично потеряли контроль над Галицкой землей.

Поэтому неслучайно, после прибытия во владения Арпадов, черниговский князь довольно быстро сумел заручиться всесторонней поддержкой короля и венгерских баронов, а в июле-августе 1245 г., при их содействии и участии, возглавил одно из подразделений войска, которое выступало против Романовичей.¹¹⁶ Понятно, что, будучи вассалом короля, сын Михаила Всеволодовича не мог инициировать данный поход, однако оставался заинтересованной персоной в его организации и проведении, ибо выступал главным претендентом на галицкий престол.

Судя из документов, в состав войска, которое выступало в Галицию, кроме угров, входили польские подразделения князя Болеслава Стыдливого и отряды некоторых бояр – сторонников Арпадов. Лидерами кампании были венгерский бан Филя, Ростислав Михайлович, сандомирский воевода Флориан Авданец, а также отдельные представители галицкой знати во главе с Володиславом Юриевичем. Однако это в ни коем случае не обозначало, как считало большинство историков (И. Шараневич, М. Грушевский, В. Пашуто, Б. Владарский, В. Грабовецкий, Н. Котляр и др.), что наступление на владение Романовичей было масштабным. В результате татарских побед 1240–1242 гг. в Центрально-Восточной Европе, лучшие войска местных правителей были уничтожены. Обновить резервы позволяла

¹¹⁵ ПСРА, II (795).

¹¹⁶ В данном случае мы согласны из аргументацией Н.Котляра, о том, что походов со стороны возглавляемого Ростиславом венгерского войска в Галицию в 40-х гг. XIII в. могло быть не два, а один. Кроме наведенных ученым доводов, от себя добавим, что после монгольских побед в Центрально-Восточной Европе и полного опустошения Венгрии на протяжении 1241–1242 гг. вряд ли местные феодалы два раза подряд за короткий период времени могли и хотели бы организовать и провести кампании против Романовичей. Считаем, что после одного поражения следующего похода бы просто не было, даже несмотря на все существующие среди венгров экономические и политические интересы. (КОТЛЯР Літопис. 250.)

исключительно мобилизация низших прослоек общества, а поэтому неслучайно Ростислав около Перемышля “собравше смерды многы пышьць и собра ия...”¹¹⁷

Детальный анализ событий, которые развернулись вблизи Ярослава 17 августа 1245 г. и принесли победу Даниилу, удостоверяют, что численность угро-польских отрядов была незначительной. Силы галицко-волинских князей также не отличались особой мощностью. Об этом свидетельствует летописец, который описывал восхваление Ростислава перед боем и его намерения атаковать Романовичей даже десятью воинами.¹¹⁸ Также известно, что в ходе битвы “Даниль ...посла 20 мужей избранных на помощь” дворскому Андрею,¹¹⁹ очевидно понимая, что такого количества волинян достаточно, чтобы удержать позицию, которую занимал последний напротив основных венгерских сил.

С вышеприведенных эпизодов понятно, что данная военная экспедиция со стороны Арпадов была незначительной. Наказание старшего Романовича за несоблюдение вассальной присяги могло произойти, как мы считаем, при участии небольшого количества войска. Это было объективно, ибо союзники не имели возможности мобилизовать больше сил из-за отсутствия в собственных владениях достаточного количества мужского населения в целом, и квалифицированных воинов, в частности.

Вместе с тем, детальный анализ развертывания наступления и особенно – боя под Ярославом убеждает нас в том, что сам Ростислав играл в кампании далеко не главную роль и даже не состоял во главе войска. Его функции ограничивались статусом претендента на галицкий престол. Реализацию наказания Даниила судя по всему должен был выполнить Филя.

В ходе Ярославского боя бан пребывал в последних рядах, держал хорутвь и постоянно регулировал направление движения своего войска. На его персоне со стороны галицких и волинских полководцев было сосредоточено главное внимание. В частности, в ходе столкновения отрядов Даниила со силами угров галицко-волинский князь вместе с боярином Шелвом и стольником Яковом Марковичем лично пытался убить Филю. Аналогичную неудачную попытку осуществил Лев. Только после того, как “Филя гордыи ять бы съ Андрѣем дворьскимъ” старший Романович собственноручно его заколол.¹²⁰ На фоне обычного пленения, например, польского военачальника Флориана, такое решение выглядит несколько странным. Именно поэтому мы предполагаем, что венгерский бан в результате проведения похода должен был выполнить особую миссию – наказание Даниила за несоблюдение вассального обета. Понятно, что кроме

¹¹⁷ ПСРА II. 797.; *Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссией для разбора древних актов*. Кнѣв 1886. VII/1. 20-21.

¹¹⁸ ПСРА II. 800.

¹¹⁹ КОТЛЯР Лѣтопис. 255.

¹²⁰ ПСРА II. 804.

того он был заинтересованным лицом касательно расширения влияния Венгрии на восток. Князь об этом должен был знать, а поэтому решил лишить жизни того, кто составлял угрозу для его личной безопасности; а также безопасности и целостности его земель.

Таким образом, на основании проведенного анализа существующих сведений источников и имеющейся историографии, можем сделать вывод, что на протяжении 1235–1245 гг. Даниил *de facto* считался вассалом короля Белы IV. Данная форма подчиненности прошла определенную эволюцию, в которой можно выделить три ключевой этапа.

Первая стадия развития указанных отношений проходила от октября 1235 – до конца 1239 гг. Под давлением внутренне и внешнеполитических обстоятельств осенью 1235 г. старший Романович отправился в Венгрию на коронацию нового монарха Белы в Секешфехервар, во время которой принял сюзеренитет последнего. Данное решение возникло в результате объективного поражения вольнских князей от союзников Арпадов – черниговских князей в борьбе за Галич и соответственно – их несостоятельностью самостоятельно овладеть Поднестровьем.

Вследствие успешных военных кампаний и дипломатических шагов Даниила против Михаила Всеволодовича и его сына Ростислава в Галиции (1237–1238 гг.), а также ее перехода под протекцию Романовича, форма зависимости последнего от Белы не претерпела никаких изменений. Король оставался сюзереном своего восточнославянского вассала.

Второй этап подчиненности Даниила от венгерского правителя пришелся на 1239–1242 гг. На фоне монгольской угрозы и усиления влияний вольнских правителей в Поднестровье и Киевском княжестве, старший Романович пытался ослабить зависимость от Арпадов путем выдвижения проекта бракосочетания дочери Белы и своего сына Льва. Выше описанные планы князь стремился реализовать в ходе своего визита в Венгрию, который в целом продолжался с конца 1239 – до апреля 1241 гг. В то же время, по нашим предположениям, пребывание галицкого властителя было инициируемо венгерским монархом и предусматривало обеспечение обороны восточных земель королевства от кочевников. Однако несогласие Белы заключить желаемый для Романовичей династический брак повлекло за собой расторжение вассально-сюзеренных связей между обеими сторонами, инициатором чего был Даниил.

Последний этап развития отношений Арпадов и галицко-вольнских князей, на фоне *de jure* существующей вассальной подчиненности старшего Романовича, имел место в 1242–1245 гг. Возвращение монголов в причерноморские и прикаспийские степи после опустошения Центрально-Восточной Европы создало для Белы возможность наказать непокорного вассала, путем организации против него очередного военного похода при участии в ней одного из легитимных претендентов на галицкий престол – Ростислава Михайловича.

Планирование нападения и организация войска, во главе которого выступил бан Филя, происходила на протяжении 1243–1245 гг., а сама кампания припала на лето 1245 г. Результатом небольшой за численностью участников военной экспедиции было поражение королевских войск и их союзников от Даниила и Василька 17 августа 1245 г. под Ярославом, что окончательно лишило старшего Романовича какой-либо вассальной подчиненности со стороны Бель IV. За короткое время между обеими сторонами были налажены равноправные, династические, союзнические военно-политические отношения, которые продолжались от 1248 – к середине 60-х гг. XIII в.

